

ПОЛИТИКО-ДЕЛОВОЙ ЖУРНАЛ

www.politekonomika.ru

После завтрака в Давосе

стр. 10

Плата за роскошь

стр. 14

Борьба с ВИНК как
национальная забава

стр. 18

Кредиты — не только
в банках

стр. 22

В Европе — кризис
социализма

стр. 34

Медицина
будущего —
это геномика
и протеомика

стр. 42

Непростые
траектории
кинобизнеса

стр. 52

ГЛАВНАЯ ТЕМА

РАЗВИЛКА ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

стр. 4

РАЗВИЛКА

после выборов

ТЕКСТ: АЛЕКСАНДР РУБЦОВ, РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН

Образы и метафоры — вещь опасная, особенно в языке политики. Таким словесным оборотам вообще свойственно срывать рикошетом. Всегда есть вероятность, что вдруг проявится какой-то неожиданный смысл, не учтенный сочинителем или позже навязанный кем-то извне, и тогда вся сила образности начнет работать против замысла и клиента.

Хотя бывает и иначе: нежелательный смысл изначально вписан в метафору как ее «внутренняя форма»¹, но при этом он как бы спит, долго не проявляется, а вместо него работает совсем другой смысл — эффективный и вроде бы удачный, хотя и не совсем правильный, а то и вовсе неверный. Такое счастливое состояние может длиться долго, но не вечно.

Тандем в шпагате

В этом отношении весьма показательно слово «тандем», ставшее знаковым для последних четырех лет правления, паролем политической конструкции периода.

Принято считать, что изначально имелось в виду нечто партнерское, командное. Именно так данную конструкцию все и восприняли. Почти все. Многие.

Однако если всерьез обдумать метафору и представить себе работу *тандема* в реальном спорте, получится нечто совсем иное, если не прямо противоположное. У велосипедистов это выглядит так: один смотрит вперед и держит руль (кстати, заодно с управлением тормозами), тогда как другой сидит, спрятавшись за ведущим от встречного ветра, и крутит педали в качестве всего лишь еще одной, дополнительной человеческой силы.

▲ Сложилось устойчивое впечатление, что сидящий впереди на самом деле лишь греет седло, а рулем на самом деле управляют длинные руки сидящего сзади

Понятно, что запуская в оборот по-своему яркое и прилипчивое слово «тандем» имели в виду не это (если только не допускать совсем уже изощренной конспирологии, присутствия очень скрытого и слишком далеко идущего намека, по большому счету, крайне рискованного — особенно если судить по политическим результатам сентябрьской «рокировки»). Скорее имелось в виду нечто, более близкое образу команды в парном теннисе. Здесь партнеры меняются на подаче, могут по очереди выходить к сетке или, наоборот, играть в обо-

¹ В поэтике и логической семантике понятие *внутренней формы* вслед за Потембиной связывают с идеей собственного, «первородного» смысла слова или выражения

роне, отражая глубокие удары. И надо признать, именно так умеренно-либеральная часть публики и представляла себе наш тандем. Именно на этот образ какое-то время так или иначе работала власть — как целенаправленным пиаром и демонстрацией отношений, так и известной долей реальных действий.

Эта конструкция своим смыслом выходила далеко за рамки сугубо личных диспозиций в политическом дуэте. Она позволяла тандему расширить площадь социальной опоры, объединяя в один электоральный массив и апологетов консервативной, если не сказать охранительной стабильности, и сторонников умеренного прогресса в рамках системы, и даже латентных радикалов, понимающих «пределы возможного». Даже если ничего особенно светлого в политике и управлении в этот период реально не воплощалось, всегда в части продвинутого сегмента общества оставались смутная надежда и терпеливое ожидание. Это было, как теперь выясняется, принципиально не только для части либерального крыла, но и для самого режима: в политике, как и в инженерной физике, от площади опоры зависит устойчивость всей конструкции.

После сентябрьской «велосипедно-шахматной» рокировки тандема площадь социальной опоры власти заметно сжалась — даже на фоне предыдущего падения рейтингов. И дело не только или даже не столько в количественном измерении электоральной базы (хотя и в нем тоже). Важно, что конструкция при этом сильно накренилась, оказавшись почти одноногой. Или, если выразаться в партийной лексике советского времени, *однокрылой* (хотя это будет еще менее точно, поскольку тут никто никуда не летит и даже не собирается).

Еще важнее то, что в зоне потерянности «крыла» начался самый настоящий пожар. Дело не просто в том, что рейтинги пополнились вниз: в зоне утраты поддержки (пусть даже пассивной) стал резко повышаться *антирейтинг*. А качество в таких ситуациях со временем переходит в количество. Теперь начинает срывать не просто количественное соотношение поддержки, с одной стороны, и неприятия, с другой, но и сам *градус отторжения*. А градус этот беспрецедентно высок, что видно по графике и по самой лексике протеста — по изобразительному ряду

После сентябрьской «велосипедно-шахматной» рокировки тандема площадь социальной опоры власти заметно сжалась — даже на фоне предыдущего падения рейтингов. И дело не только или даже не столько в количественном измерении электоральной базы (хотя и в нем тоже). Важно, что конструкция при этом сильно накренилась, оказавшись почти одноногой

и массиву ненормативных высказываний в Интернете и оформлении протестных акций. И это же чувствуется по встречной реакции тандема: он явно не ожидал такого накала выступлений и не был готов на них быстро, тем более сразу реагировать. Чуть позже власть несколько пришла в себя, выработала стратегию, а точнее говоря, параллельные стратегии, и приступила к ответным действиям. Но даже если эти мероприятия окажутся на какое-то время «успешными» (в ситуации заливания пожара любимыми подручными средствами говорить об «успехе» вообще трудно), все равно никто не гарантирует, что это восстановление относительной политической стабильности будет надежным и необратимым. Скорее наоборот. Тем более что многое в ответных реакциях власти работает лишь на еще большее раскачивание протестных настроений, а то и на разжигание совсем уже заполошных страстей по обе стороны старательно сооружаемой баррикады.

При этом необходимо учитывать, что в массе своей искусственно разогретые «антиоранжевые» страсти пройдут быстро (сами по себе они оснований не имеют, а вечно подогревать их пропагандой нельзя, да и опасно), тогда как протестным настроениям в таком контексте меняться на положительные и вовсе нет видимых причин. Надо понимать, что есть тип пожара, который не зальешь массовой обработкой сознания и вливаниями во все подряд с доходов от растущей нефти. Это даже не торфяник...

Тем не менее тенденция прослеживается: пока в ответных реакциях власти просматривается нечто, скорее похожее на позу «шпагата». Это новое спортивное упражнение власти связано с попыткой хотя бы отчасти восстановить относитель-

Активная реклама политической личности премьера началась не после «рокировки» (хотя, казалось бы, вот оно уже), а именно после взрыва недовольства фальсификатом парламентских выборов в декабре 2011 г. И именно тогда появилась идея новой версии кандидата: Путин 2.0

ную устойчивость тандема в условиях, когда он если не распался окончательно, то во всяком случае в значительной (если не в подавляющей) части политического пространства воспринимается скорее как обманка или пародия. Сложилось устойчивое впечатление, что сидящий впереди на самом деле лишь греет седло, а рулем на самом деле управляют длинные руки сидящего сзади и смотрящего вперед поверх головы партнера, временно допущенного как бы к рулю. Теперь общество считает (причем совершенно безотносительно к реальности), что это был не просто тандем, но именно *тандем наоборот* — с ведущим и рулем *сзади*. А для устойчивости нужны движение и скорость. И попытки «демонстрационной либерализации на фоне закручивания гаек» налицо — хотя бы потому, что другие более или менее мирные стратегии в фантазиях власти на данный момент тоже не просматриваются.

Прогноз на после марта: «новая весна» или «летние заморозки»?

В обсуждении сейчас два основных прогностических тренда: жестко-реакционный или мягко-либеральный. При этом показательно, что промежуточный, нейтральный, «нулевой» вариант особенно и не обсуждается. И не только потому, что он неинтересен публицистически, а потенциальные сторонники «нейтральной» линии, если такие и есть, относятся скорее к категории безголовых. Важнее общее ощущение, что после выборов что-то должно изме-

▲ Со стороны власти делаются некоторые шаги навстречу оппозиции и протестной сборке в целом — независимо от того, насколько эти шаги в действительности носят характер демонстрационный и имитационный

ниться или определиться, что весной стране предстоит еще один выбор — и для власти, и для оппозиции. Это как «шарик на вершине» из хрестоматийного опыта: в ту или иную сторону, но придется скатываться.

Или, если воспользоваться все той же спортивной метафорой, рано или поздно со шпагата надо встать — иначе так можно и вовсе порвать органы, важные для поддержания политической репродуктивности.

***

Альтернатива понятна и уже многократно озвучена.

Систематически появляются суждения о том, что после выборов (независимо от запаса в результате и от его качества) у власти будут развязаны руки и она займется «закручиванием гаек», точечным подавлением наиболее злостных очагов оппозиции и даже мелочным мщением, демонстрацией врожденного злопамятства. Об этом пишут, как правило, безапелляционно и воинственно, и не в жанре «пора валить», а в духе «надо готовиться».

« Систематически появляются суждения о том, что после выборов (независимо от запаса в результате и от его качества) у власти будут развязаны руки и она займется «закручиванием гаек», точечным подавлением наиболее злостных очагов оппозиции и даже мелочным мщением, демонстрацией врожденного злопамятства. Об этом пишут, как правило, безапелляционно и воинственно, и не в жанре «пора валить», а в духе «надо готовиться»

Другая, альтернативная версия сводится к тому, что после выборов и нового прихода В. Путина произойдет его волшебное превращение и он, будучи свободен от пут бескомпромиссной предвыборной борьбы, так или иначе получив свое, задаст тренд новой либерализации — как в политике, так и в экономике и в сфере гражданских отношений. Можно по-разному оценивать степень реалистичности или утопичности таких суждений, особенно на фоне происходящего вокруг выборов, но такие суждения есть и их надо иметь в виду. Тем более что прогноз в политике — это всегда во многом и проект, аргумент в выборе стратегии, форма влияния. Потому классификация «теории будущего» (А. Ксан) и включает прогнозы как *самореализующиеся*, так и *самоопровергающиеся*.

Пока, как уже отмечалось, делается отчаянная попытка изобразить «шпагат». С одной стороны, нагнетается давление на независимые СМИ, спецпропаганда ведется крайне агрессивно, в логике и лексике «внешней угрозы», опирающейся на «пятую колонну», не заслуживающую ничего (если договаривать и отвечать за слова), кроме клейма «врагов народа» и старости в Сибири. Ответный митинг на Поклонной, лицами которого стали наиболее brutальные, одиозные, а то и просто истеричные «рупоры угрозы», был воспринят едва ли не как объявление войны всему протестному движению и в этом смысле был во многом ошибочным по тону, содержанию и температуре «сцены». Если ЭТО — идеологическое лицо

Надо отдавать себе отчет в том, что альтернатива проста и определена: либо третий («третий с половиной») срок В. Путина будет с ходу отмечен масштабными мероприятиями по снятию удушающего зажима в экономике, в гражданских отношениях и политике, либо он окончательно склеится с образом «лидера» консервативной, застойной, внушаемой и крайне недалеконovidной части общества ▼

власти, тогда в политике надо сливать воду, а на институциональных реформах, да и вообще на самой идее развития, ставить крест — жирный и черный, почти коричневый.

В то же время со стороны власти делаются некоторые шаги навстречу оппозиции и протестной сборке в целом — независимо от того, насколько эти шаги в действительности носят характер демонстрационный и имитационный. Причем растяжка в этом шпагате очень сильная: от почти неприкрытых спецопераций до свиданий с системной и несистемной оппозицией и обсуждения с ее представителями проектов стремительной и якобы принципиальной либерализации политического законодательства. И опять *растяжка в тандеме*: консервативно-реакционный тренд связывается вовне по преимуществу с премьером (что бы он ни писал в своих статьях для либеральной прессы уровня «Ведомостей»), тогда как собственно либеральный тренд (независимо от его убедительности) приписывается Д. Медведеву — и по инерции, и по исходящему адресу.

Для нормального восприятия этого тренда есть целый ряд сложностей, начиная с самой фигуры пока еще действующего президента, только начинающего выбираться из репутационной ямы, в которую его опустила сентябрьская рокировка, и заканчивая здоровыми подозрениями, что это не искреннее движение навстречу, а очередное «договорились», к тому же ориентированное только на предвыборный период и преследующее чисто тактические цели. Но есть люди, способные даже в этом «договорились» усматривать некоторую внимательность и не полную агрессивность власти в отношении мощного либерального тренда, захватившего весьма значительную и, мягко говоря, не худшую часть общества, к тому же далеко не второстепенную с точки зрения задач развития, смены вектора «сырьевого на инновационный» и т.п.

Сейчас всех (во всяком случае, очень многих) волнует, какой же тренд возобладает после выборов: прогрессивно-либеральный или консервативно-реакционный?

Судя по всему, здесь как раз тот случай, когда выражение «не хватает данных для прогноза» уместно в пол-

ной мере и отнюдь не выглядит аналитическим кокетством. Прежде всего потому, что для выработки тактической линии поведения, строго говоря, данных не хватает и у самой власти. Сейчас трудно сказать, как именно будет развиваться протестное движение после президентских выборов и как оно будет реагировать на те или иные действия власти — какими бы они ни были. Но есть стратегические интересы и соображения, которые необходимо иметь в виду, чтобы реактивными действиями в настоящем, пусть даже временно и «эффективными», не испортить репутацию себе и перспективу стране.

Физика политической атмосферы

На это неоднородное и разнородное пространство влияют как минимум три силовых поля: экономика, социальная сфера и собственно политика. Причем у каждого из этих полей свои временные лаги, свои ритмы и темпоральные измерения.

Пожалуй, наибольший лаг у экономики. Здесь задача формулируется сверхмасштабным, если не сказать

▲ Задан фронт работы поистине исторического масштаба. Сменить вектор развития сложнее, чем построить плановую экономику или воссоздать на ее руинах подобие цивилизованного рынка

почти фантастическим образом: преодолеть зависимость от экспорта сырья, в краткосрочной перспективе, возможно, и не фатальную, но крайне опасную в среднесрочной перспективе и совершенно тупиковую в перспективе долгосрочной. Однако это большое измерение не должно расслаблять, поскольку, как мы уже не раз отмечали, начинать радикальную перестройку системы надо было еще позавчера. Точки невозврата и зоны принятия решений страна проходит сейчас, если уже не прошла — при любых прогнозах относительно ресурса времени, оставшегося до обрушения сырьевой модели.

Кроме того, формула «сменить вектор развития с сырьевого на инновационный» не вполне точна, поскольку не учитывает не менее сложной задачи — реиндустриализации, восстановления производства как такового. Никакие сколь угодно высокие инновации и сколь угодно высокие технологии не спасут положения, если не восстановить «середину» — производства в средне-технологичной и среднеинновационной зоне, а значит, если не подвергнуть институциональную среду фундаментальной реконструкции.

Вкупе это задает фронт работы поистине исторического масштаба. Судя по всему, таким образом «сменить вектор развития» сложнее, чем построить плановую экономику или попытаться воссоздать на ее руинах подобие цивилизованного рынка. Хотя бы потому, что преодолевать здесь придется отчаянное сопротивление класса распределителей, регуляторов и контролеров и многовековые инерции ресурсной модели «развития», застарелые архетипы сознания, не изжитые даже советской индустриализацией и героикой научно-технологического прорыва в атом и космос.

Все это всемирно-историческое величие задач, как ни странно, имеет прямое отношение к развилке между митингами на Болотной и Поклонной. Начинать модернизацию, инновационный маневр и пр. в жестком конфликте с креативной частью общества — пусть не всей, но весьма значительной, наиболее моторной, сконцентрированной в столицах и особо крупных городах — дело заведомо безнадежное.

А не начинать более нельзя. Если же и дальше давить протест и пытаться перебить его организованным возмущением «народных масс», конфликт может стать необратимым. Если не уже... А в современной реальности это крест на перспективе, да и на самой стабильности. Страна, в которой люди боятся и ненавидят друг друга, обречена.

Социальный вызов имеет еще меньшую пролонгацию. Неподъемные социальные обязательства, усугубленные перегретыми ожиданиями и привыканием к номинальному, а во многом и реальному подъему благосостояния, — это тяжелая ноша для любой власти. Тем более это суровый вызов для власти, поставленной перед необходимостью модернизационного маневра в условиях протеста, который уже слишком похож на субстанцию, вырвавшуюся из бутылки и назад заталкиваться не собирающуюся.

И конечно же, вопрос внешнеэкономической конъюнктуры, цен на энергоносители и металлы. Жить с таким «авось», пусть даже очень вероятным, но все же шатким — дело опасное, да и крайне вредное для страны, буквально с каждым годом теряющей шансы на включение в пул государств, модернизированных на уровне требований нового века. Еще до того как отставание станет необратимым, социальное недовольство масс может легко соединиться с протестом политизированного авангарда (или его замещения), и тогда обстановка окажется на грани революционной.

«**Что касается текущей политики, то у нее здесь, как кажется, самое короткое временное измерение. Иногда трудно отделаться от впечатления, что власть решила «забить» на любые перспективы, выходящие за пределы ближайших президентских выборов. Работа ведется по всему фронту, по максимуму, не считая ресурсов и не выбирая средств, а нередко и создавая ощущение явного перебора**

Что касается *текущей политики*, то у нее здесь, как кажется, самое короткое временное измерение. Иногда (и не без оснований) трудно отделаться от впечатления, что власть решила «забить» на любые перспективы, выходящие за пределы ближайших президентских выборов. Работа ведется по всему фронту, по максимуму, не считая ресурсов и не выбирая средств, а нередко и создавая ощущение явного *перебора* — примерно с тем же эффектом, как в известной карточной игре. Между делом считается, что на данный момент, а именно на пике эскалации конфликта, важен оперативный результат, а способы его достижения сейчас не важны, поскольку через некоторое время забудутся на фоне «новой легитимности». Но существует и иное мнение, полагающее, что это опасная иллюзия. Действия с явными признаками неразборчивости в средствах, наоборот, копятя в политической памяти и создают эффект сначала кумулятивный, а потом и взрывной. Боль от выкручивания рук и обида на затыкание ртов быстро не проходят — если проходят вообще. И тогда может оказаться, что даже попытка разворота в сторону большей свободы, права и осмысленной законосообразности упрется в старый конфликт. Либерализм умеет быть ничуть не менее злопамятным, чем автократия. Например, когда у либерала отбирают даже возможность отдать жизнь

Сейчас трудно сказать, как именно будет развиваться протестное движение после президентских выборов и как оно будет реагировать на те или иные действия власти — какими бы они ни были. Но есть стратегические интересы и соображения, которые необходимо иметь в виду, чтобы реактивными действиями в настоящем, пусть даже временно и «эффективными», не испортить репутацию себе и перспективу стране

за право другого высказывать иную точку зрения.

Путин 1.0: второй шанс

Важно отметить, что активная реклама политической личности премьера началась не после «рокировки» (хотя, казалось бы, вот оно уже), а именно после взрыва недовольства фальсификатом парламентских выборов в декабре 2011 г. И именно тогда появилась идея новой версии кандидата: Путин 2.0. Правда, некоторые испуганно-судорожные усилия команды тут же поставили под сомнение этот имидж и сработали скорее на образ 0.2 — по экстремному телефону известной службы. Тем не менее надо отдавать себе отчет в том, что альтернатива проста и определена: либо третий («третий с половиной») срок В. Путина будет *с ходу* отмечен масштабными мероприятиями по снятию душающего зажима в экономике, в гражданских отношениях и политике, либо он окончательно склеится с образом «лидера» консервативной, застойной, внушаемой и крайне недальновидной части общества. А с такой страной в XXI веке делать нечего — можно лишь напоследок еще разок поиграть в самовнушение «энергетической державы» и в театр социальной щедрости на остатки от перераспределенного.

Но чтобы выбраться из этой ловушки, новому руководству придется для начала... вспомнить первые годы 00-х, когда делались попытки начать освобождение институциональной среды от груза и пут избыточной зарегулированности и массовых поборов (административная реформа, техрегулирование и пр.). То есть начать с самого очевидного, сравнительно простого и более-менее безобидного — с самых слабых звеньев бюрократического паразитария. Без этого «низкого старта» любые эпохальные начинания заранее обречены. Точно так же как любые административно-экономические инициативы в нашем положении обречены без действительного раскрепощения политики, массовой информации и идеологии, без основательной коррекции всей системы ценностей.

Без такого освободительного маневра за державу будет уже не только обидно, но и просто страшно. **15**

